На правах рукописи

ВОРОНИН ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

Специальность: 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Брянск 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении высшего образования «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского» на кафедре отечественной истории факультета истории и международных отношений

Научный руководитель:	**Блохин Валерий Федорович** доктор исторических наук, профессор
Официальные оппоненты:	**Оськин Максим Викторович** доктор исторических наук, АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА» (г. Тула), кафедра психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин, профессор
	Букалова Светлана Владимировна доктор исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедра истории, политологии и государственной политики, доцент
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Защита диссертации состоится «28» декабря 2026 г. в 14 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета 99.2.048.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241028, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, корп. 2, ауд. № 200.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Брянского государственного университета по адресу 241028, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14 и на сайте: https://brgu.ru/science/aspirantura/nashi-zashchity/VoroninGG/

Автореферат разослан «___»_____2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета (подпись) А.В. Сагимбаев

Актуальность темы исследования. История любой войны – это прежде всего описание сражений, маневров, анализ расстановки сил и решение экономических проблем. Однако война в человеческом измерении существенно отличается от всех этих составляющих, а Первая мировая война явилась первым в истории человечества вооруженным конфликтом глобального характера, в орбиту которого оказались вовлечены многомиллионные массы населения. Одна из неожиданностей этой масштабной войны – огромное число военнопленных и интернированных, оказавшихся на территории России и вынужденных находиться там на протяжении ряда лет.

В Российской империи к концу 1916 г., по имеющимся оценкам, пребывало от 2,2 до 2,4 миллионов военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской армий. Проблема их размещения, охраны и надзора приобрела невиданные масштабы, потребовав от власти выработки новых правовых и организационных механизмов. При размещении пленных не только военным структурам, но и губернским администрациям, было предоставлено широкое поле для деятельности.

Актуальность темы определяется беспрецедентным масштабом проблемы военнопленных (до 2,4 млн человек). Их размещение, охрана и надзор потребовали от власти выработки новых правовых и организационных механизмов и привели к расширению полномочий губернских администраций. В результате проблема приобрела не только военно-административное, но и глубокое социальное значение, требуя комплексного изучения взаимодействия власти, общества и пленных в условиях масштабной войны.

Во многих губерниях специальные места содержания пленных так и не были построены, поэтому актуальным является не столько исследование вопросов, связанных с лагерным бытом, сколько особенностям административного решения проблемы, в том числе и через выяснение особенностей надзора за военнопленными.

На заключительном этапе существования Российской империи масса военнопленных, в своем большинстве явно недружественно к ней настроенных, являлась дестабилизирующим фактором, так или иначе влиявшим на развитие

социальных, экономических, а затем и политических процессов. Представляется актуальным исследовать деятельность военного командования и правительства по выстраиванию системы надзора и контроля в комплексе, чтобы определить их эффективность в контексте решения неминуемо возникавших на этой почве проблем.

Размещение военнопленных в неподготовленных для этого помещениях: от доходных домов до дровяных сараев, их рассредоточение на большой территории создавало серьезные проблемы надзора за ними. Анализ этих проблем позволяет глубже понять. насколько государство эффективно справлялось с управлением многомиллионной массой «вражеских подданных» и почему к февралю 1917 г. надзор практически перестал функционировать.

Актуальность работы определяется также отсутствием комплексного анализа военно-полицейского надзора за военнопленными в работах исследователей. Помощь в решении этой проблемы может оказать введение в научный оборот новых архивных документов, в частности, из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), которые ранее не использовались для изучения этой проблематики. Выявление причин кризиса надзорной системы в 1914–1917 гг. расширит и дополнит представление о причинах нараставших проблем, приведших к краху российской государственности в целом.

Категории исследования. Первая мировая война явилась катализатором трансформации понятия «надзор» (или «контроль за военнопленными»). Он прошел путь от относительно разрозненных практик XIX века к сложной, бюрократизированной системе управления, характерной для XX столетия. Эти изменения были обусловлены не только гуманитарными соображениями, но и практическими потребностями военной экономики, поскольку государствам требовалось эффективно распределять и контролировать труд миллионов пленных в своих внутренних территориях. Таким образом, надзор за военнопленными приобрел двоякое значение, разделяясь на международно-правовой внешний контроль и внутренний административно-режимный надзор державы,

удерживающей пленных.

Степень научной разработанности темы. Проблемы военного плена в годы Первой мировой войны на сегодняшний день имеют обширную отечественную и зарубежную историографию, но этот интерес на разных этапах распределялся неравномерно. Современное возрождение внимания к этой теме связано со столетием Первой мировой войны.

Историографический обзор построен по хронологическому и тематическому принципам, с выделением нескольких периодов и направлений.

В дореволюционной историографии (1914–1917 гг.) еще не сложилось научного осмысления проблемы, и в тот период и чаще всего преобладали описательные публикации с ярко выраженными чертами общественных настроений, основанных на негативном отношении к представителям воевавших против России государств. Первые брошюры периода войны были посвящены главным образом вопросам плена и связанным с ним аспектам юридического и экономического характера[1], что являлось свидетельством подготовки России к решению будущих проблем, вызванных войной. Военнопленные рассматривались в качестве рабочей силы, применение которой играло важную роль в военной экономике страны. Количественные данные о военнопленных и их участии в хозяйственной деятельности в России появились уже в 1918 г. в официальном органе Народного комиссариата труда РСФСР[2].

Советская историческая наука рассматривала Первую мировую войну в первую очередь через призму причин Октябрьской социалистической революции 1917 г., отдавая предпочтение господствовавшей концепции осмысленной деятельности партии большевиков, возглавившей движение пролетариата и беднейшего крестьянства, обеспечивших объективный характер революции.

---

[1] *Е. Л.* Военнопленный вопрос. Томск, 1914; *Косвен М.* Военнопленные. Очерк по международному и военному праву. Петроград, 1915; *Авербах О.И.* Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Т 1, 2. Пг., 1915; *Алексеев Н.* Военный плен и международное право. М., 1915; *Баталин А.М.* Труд военнопленных на постройке железных дорог. Пг., 1916. [На правах рукописи]; *Жданов Н.М.* Доклад о юридической помощи военнопленным и их семьям. М., 1916.

[2] *Аникст А.* Количество военнопленных на всей территории России // Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 31–32.

Руководитель созданной в годы Гражданской войны военно-исторической комиссии Н.М. Жданов в 1920 г. опубликовал книгу о русских военнопленных с одной главой, посвященной фактам из жизни военнопленных в самой России. Автор рассмотрел организацию их учета, нормы международного права в области содержания и использования труда военнопленных, а также описал условия содержания пленных. На изложенном материале в полной мере отразился критический настрой советской историографии по отношению к предшествующему политическому устройству России.

Н.М. Жданов констатировал, что в отличие от Германии, где с самого начала войны учет военнопленных был поставлен образцово, в России точных данных об общем числе германских и австрийских пленных не было практически на протяжении всех лет войны[3]. В то же время в работе была лишь обозначена проблема надзора за пленными и не содержался анализ военного плена с этой точки зрения.

Участник Первой мировой войны, чех по происхождению, А.С. Шипек сам присутствовал при массовой сдаче в плен целых полков чехов из австро-венгерской армии. Только за 1915 г. на сторону России перешло около 600 тыс. чехов, а в конечном итоге, по его сведениям, сдалось в плен около 4 млн солдат и офицеров австрийской империи «явившихся для русского командования огромной обузой»[4]. Автор отмечал, что в лагерях военнопленных всю эту массу необходимо было кормить, перевозить, караулить и уплачивать офицерам жалованье. В богатой хлебом царской России наплыв военнопленных не так сильно чувствовался, как в Германии, но и здесь, продержав весь 1915 г. военнопленных в лагерях, встал вопрос о необходимости «разгрузки» и использования пленных в хозяйственной деятельности.

[3] *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 г.г. М., 1920; *Жданов Н.М.* Военный плен в условиях мировой войны // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 80–139.

[4] *Шипек А.* Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция Книга вторая. М., 1928. С. 65.

Вопросами плена в первые годы существования советской власти занимались непосредственные участники событий[5], а основным предметом исследования выступала проблема вовлеченности военнопленных в события, связанные с утверждением советской власти Политика Российской империи в отношении военнопленных, оценивалась исключительно в негативном ключе с целью аргументации причин их участия в боевых действиях на стороне советской власти. Исследователи в первую очередь рассматривали историю военнопленных через призму интернационализма и классовой борьбы, роста классового сознания, революционизирования и солидаризации с интересами революционных российских масс.

Однако это направление в изучении многоаспектной проблемы плена в годы Первой мировой войны оказалось приостановленным событиями конца 1930-х – 1940-х гг. Начавшаяся Вторая мировая война кардинально изменили правовое регулирование вопросов плена. Изучение участия в становлении советской власти в России немцев, венгров, австрийцев, вновь оказавшихся главными врагами СССР в войне, утратило актуальность. Издававшаяся литература в нацистской Германии по поводу плена во время Первой мировой войны настойчиво подводила читателя к мысли о необходимости борьбы против ужасов теперь уже советской власти.

После окончания Великой Отечественной войны вырос интерес к теме интернационалистского движения. После создания в 1955 г. Варшавского договора (военно-политического союза социалистических стран Европы во главе с СССР) и сорокалетия Октябрьской революции (1957 г.) и до конца 1980-х гг., по оценке А.Н. Талапина, по истории интернационализма было опубликовано свыше 600 работ, среди которых были сборники документов и статей, материалы конференций[6]. В литературе этого плана вопросам плена отводилась лишь вспомогательная роль, а доминирующими являлись проблемы иностранных частей в составе русской армии, вопросы большевистского влияния на пленных, а также участие

[5] *Ульянов И.И.* Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110; *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54–61.

[6] *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): автореф. … канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 6.

иностранцев в Октябрьской революции.

В результате изучение движения интернационалистов ограничивало возможности исследования реальных проблем, связанных с пленом, с жизнью военнопленных и тем более с вопросами надзорной практики. В названиях работ доминировали специфические понятия, отражавшие смысл заявленной тематики: «интернациональная солидарность трудящихся», «иностранные пролетарии», «деятельность партии большевиков среди иностранных военнопленных», «сотрудничество военнопленных интернационалистов с сибирскими рабочими», «вклад интернационалистов в революционное рабочее движение» и др.

С 1960-х гг. в отечественной историографии начал нарастать интерес к изучению внутриполитических процессов, происходивших в России накануне падения самодержавия. Однако вплоть до 1980-х гг. военный плен рассматривался главным образом в устоявшихся традициях истории классовой борьбы[7]. Новые наблюдения были связаны с использованием труда военнопленных в экономике страны.

До 1990-х гг. историография военного плена оставалась крайне фрагментированной, хотя во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в советской исторической науке на волне утверждения процесса гласности начинает проявляться стремление к пересмотру господствовавших представлений, основанных на узкоклассовых оценках. Стали игнорироваться идеологические шаблоны, начался процесс полноценного исследования военного плена Первой мировой войны.

Постсоветская российская историография, начало которой было положено в 1990-е гг., знаменовалась отходом от узкоклассовых стереотипов, окончательным отказом от предшествующей «интернационалистской» тематики, исчерпавшей себя уже в 1970-е гг. В 1997 г. появилась первая диссертация по теме «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны». Автор диссертации С.Н. Васильева осветила понятие «военного плена» в международном

[7] Интернационалисты в боях за власть Советов / под ред. М.А. Бирмана [и др.]. М, 1965; Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / редколл.: А.Я. Манусевич (отв. ред.) [и др.]. М., 1967.

праве, проанализировала правовые и гуманитарные аспекты положения военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России, отношение к ним официальных властей. В работе был использован значительный фактический материал, раскрывающий особенности использования труда военнопленных на хозяйственных и военных объектах[8].

Для исследователей в этот период открылась возможность выявления многочисленных новых проблем, сознательно скрытых в предшествующий период развития отечественной исторической науки. Главной особенностью этого периода явилось региональное изучение особенностей плена, продемонстрировавшее широкий его размах. С конца 1990-х гг. на основании новых архивных материалов была осуществлена защита значительного количества диссертаций[9]. Определенным итогом этого периода в изучении проблем плена стала докторская диссертация Н.В. Суржиковой[10]. В своей работе автор проследила динамику перемещения и численность военнопленных, определила социально-демографические статусы пленных, рассмотрела проблемы распределения потребительских ресурсов и их включение в систему производственных практик.

В целом для литературы современного периода характерен отход от однозначных оценок, исследователи затрагивают вопросы, связанные с правовыми и

---

[8] *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. … канд. ист. наук. М., 1997.

[9] *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегии по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.): дисс. … канд. ист. наук. М., 1998; *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2005; *Еремин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: дисс. … докт. ист. наук. Барнаул, 2006; *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дисс. … канд. ист. наук. Красноярск, 2006; *Идрисова Э.С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1922 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Оренбург, 2008; *Ниманов Б.И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. … канд. ист. наук. М., 2009; *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. … канд. ист. наук. М., 2011.

[10] *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дисс. … докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

нравственными проблемами плена[11]. На основе широкого круга архивных источников появились и обобщающие работы, связанные с этой темой. Так, И.Б. Белова комплексно рассмотрела военнопленных как часть массовых перемещений населения[12].

Диссертация Георга Вурцера (Georg Wurzer), защищенная в 2000 г., посвящена военнопленным Центральных держав в России в годы Первой мировой войны. В 2005 г. была издана монография, в основе которой лежит диссертационное исследование[13]. Г. Вурцер в своей работе рассмотрел условия размещения военнопленных в лазаретах во внутренних районах России, расположение мест размещения, положение пленных в лагерях, санитарно-гигиенические условия. Затронул вопросы, связанные с российской караульной службой, характер запретов и особенности личной свободы военнопленных. Ценность исследования заключается в широком использовании воспоминаний участников этих событий, рассмотренных вплоть до ноября 1918 г.

Темой военнопленных на территории России занимались немецкие исследователи. В работе использованы труды известного немецкого историка, профессор Фрайбургского университета Райнхарда Нахтигаля (Reinhard Nachtigal).

---

[11] *Ивашов, Л Г., Емелин А.С.* Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Уч. пособие к спецкурсу. М., 1999; *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 30–37; *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2002; *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006; *Зубов Д.Ю., Красин В.М., Курков В.В., Тихонов А.В.* Народы Востока и Калужский край: ссыльные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Калуга, 2009; *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2011. № 1. С. 122–134; *Калякина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014; *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг. СПб., 2014. С. 144.

[12] *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

[13] *Wurzer Georg.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg, Göttingen: V&R unipress, 2005. 626 s.

Автор провел масштабные исследования, отразившие особенности использования труда австро-венгерских и немецких военнопленных в Российской империи, осветил инспекторские поездки в российские лагеря для военнопленных сестер милосердия, осуществленные при посредничестве Датского Красного Креста[14].

Статья Адама Миодовского (Adam Miodowski) «Побеги из российского плена военнопленных, захваченных на Восточном фронте (август 1914 – февраль 1917)»[15], представляет собой исследование, посвященное одному из ключевых, но ранее недостаточно изученных вопросов истории Первой мировой войны – проблеме побегов военнопленных Центральных держав из российского плена. Работа А. Миодовского демонстрирует, как административные и ресурсные ограничения Российской империи влияли на условия содержания и контроль над пленными.

Однако, несмотря на несомненные достоинства ряда перечисленных работ, в них лишь фрагментарно затрагивается военно-полицейский надзор. Исследователи в основном сосредотачивались на социально-гуманитарной проблематике – условиях содержания военнопленных, продовольственном и медицинском обеспечении, трудовом использовании. Вопросы же организации и функционирования военно-полицейского надзора с точки зрения его структуры, компетентности военных, жандармских и полицейских органов, взаимодействие с губернской администрацией и лагерным начальством, а также конкретные практики учета, контроля за перемещением, перепиской, предотвращения побегов и антиправительственной агитации – остаются на периферии или рассматриваются лишь в виде отдельных сюжетов. Между тем без их системного анализа невозможно восстановить целостную картину режима военного плена и понять, как на практике сочетались карательные и гуманитарные начала.

Изучение ранее не использованных документов позволит расширить за счет новых сведений из архивных материалов. Плен периода Первой мировой войны

[14] *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 84.
[15] *Miodowski A*. Escapes from Russian Captivity by Prisoners of War Taken on the Eastern Front (August 1914 – February 1917) // The Journal of Slavic Military Studies. 2021. Volume 34. Issue 2. Pages 303–321.

отличался масштабностью как по числу людей, так и по местам их размещения. При этом проблемы надзора – при обязательном учете его роли в освещении различных аспектов реализации на разных этапах войны – до сих пор не рассматривается как исследовательская тема. Комплекс аспектов этой темы включает правовую базу, межведомственное участие, методы работы и оценку эффективности в масштабе всей страны.

Объект и предмет исследования:

Объектом исследования являются военнослужащие, оказавшиеся в плену на территории Российской империи в период 1914–1917 гг.

Предметом исследования является комплекс правовых норм, методов и практик военно-полицейского надзора за военнопленными армий противников России в войне.

Хронологические рамки охватывают период с начала Первой мировой войны до учреждения Временным правительством 30 марта 1917 г. Центрального Комитета по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста. Эта организация пришла на смену системе надзора, действовавшей при прежней власти, и определяла характер надзора за военнопленными в условиях войны. В первой главе исследования использованы более ранние международные и российские документы. В диссертационном исследовании все даты даны по «старому стилю».

Территориальные рамки включают всю территорию Российской империи в ее административных границах указанного периода, с особым вниманием к тыловым губерниям, где размещались основные лагеря и использовался труд военнопленных: Сибирь (Томская, Тобольская, Иркутская Енисейская губернии), Поволжье (Саратовская, Самарская, Казанская, Астраханская губернии), Центральная Россия (Смоленская, Тульская, Костромская, Ярославская губернии), Урал (Пермская, Оренбургская и Вятская губернии).

Цель и задачи исследования заключается в комплексном анализе эволюции о*фициально установленных норм, правил и* методов, результатов военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи в 1914–

1917 гг., а также воздействовавших на этот надзор факторов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

■ Проанализировать правовую базу надзора и выявить ее внутренние противоречия и пробелы.

■ Определить структуру надзора, функции каждого ведомства (Военное министерство, штаб Верховного главнокомандующего, Главное управление Генерального штаба, штабы военных округов, Министерство внутренних дел, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов) и характер межведомственного взаимодействия.

■ Систематизировать категории военнопленных, подлежавших надзору, по национальному, социальному и «трудовому» критериям, показав, как эта категоризация влияла на режим контроля.

■ Реконструировать основные методы надзора: лагерную изоляцию, полицейский контроль вне лагерей в процессе работы в промышленности и в сельском хозяйстве.

■ Определить степень влияния общественных представлений о военнопленных в России на систему надзора.

■ Оценить эффективность системы, выявить факторы ее ослабления и причины кризиса к февралю 1917 года.

Методологическая основа исследования опирается на принципы *историзма* (рассмотрение явлений в их развитии и взаимосвязи), *объективности* (учет всех доступных источников, включая противоречивые), а также *системного подхода* (анализ надзора как целостного комплекса, а не суммы изолированных мероприятий).

В работе применялись как *общенаучные методы* (анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация), так и *специально-исторические*:

- *историко-генетический* – для прослеживания эволюции надзорной системы от импровизации к упорядоченным действиям и к последующему кризису;

- *сравнительно-исторический* – для сравнения режимов надзора за разными категориями военнопленных (немцы, австрийцы, венгры – славяне, офицеры – рядовые);
- *проблемно-хронологический* – для анализа ключевых проблем (правовой статус, межведомственные конфликты, побеги) в их временной последовательности;
- *историко-правовой* – для анализа законодательных актов и нормативных документов.

Помимо подхода, сосредоточенного на анализе законодательства и деятельности центральных ведомств, в работе применен микроисторический и региональный подход. В исследовании рассматриваются Коломенский и Гусь-Хрустальный заводы, другие объекты, на которых использовался труд военнопленных, отдельные сельскохозяйственные имения, что позволяет увидеть преломление указаний, исходящих из центра, в разных локальных ситуациях. Реальные практики показывают не только проблему как таковую, но и шаги по ее решению, демонстрируют конкретный результат, зачастую разительно отличающийся от официальных предписаний.

Источниковая база исследования включает:

1. Законодательные акты, *выражавшие и закреплявшие международные и российские* правовые нормы в отношении военнопленных.

В начале XX в. обозначилась тенденция к расширению масштабов войн, что поставило международную общественность перед необходимостью их ограничения и обеспечения максимально возможного сохранения гуманитарных начал в военных действиях. Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г., подписание в 1907 г. второй Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны явились результатом такой деятельности, а особая глава «О военнопленных» зафиксировала необходимость гуманного обращения с безоружными солдатами и офицерами противника[16].

[16] The hague conventions of 1899 (II) and 1907 (IV) respecting the laws and customs of war on land. Published by the endowment Washington, d. c. 1915; Конвенция для улучшения участи раненых

С началом мировой войны «Положение о военнопленных», высочайше утвержденное 7 октября 1914 г., постановления Совета министров Российской империи и ряд других документальных решений предоставили возможность реализации на практике международных норм в сфере надзора за военнопленными[17].

2. В работе широко использовалась **делопроизводственная документация**, хранящаяся в Российском государственный военно-историческом архиве (РГВИА); в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); в Российском государственном историческом архиве (РГИА); опубликованные в сети Интернет материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). В число документального материала, хранящегося там, входят: циркуляры и инструкции, рапорты губернаторов и начальников жандармских управлений в Департамент полиции, переписка министров друг с другом, специальных отделов штабов фронтов, округов с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) и с гражданскими властями, справки о положении

и больных в действующих армиях, заключенная в Женеве 6 июля 1906 г. // URL: https://www.newspapers.historyrussia.org/ru/nodes/399123-konventsiya-dlya-uluchsheniya-uchasti-ranenyh-i-bolnyh-v-deystvuyuschih-armiyah-zaklyuchennaya-v-zheneve-6-iyulya-1906-g#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 28.07.2026); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.): Приложение: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/2540206/ (дата обращения: 28.07.2026); Воззвание Верховного главнокомандующего Российской императорской армией великого князя Николая Николаевича (младшего) Романова к народам Австро-Венгрии // Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. Документы и материалы. М., 2013. Том 1. 1016 с.

[17] Положение о военнопленных русско-японской войны от 13 мая 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1904. Отд. I. Ст. 1268; Положение о военнопленных // Россия. Военные уставы и наставления. Положение о военнопленных. СПб., 1914; Решение Совета министров от 25 августа 1914 г. о внесении изменений в Положение о военнопленных. Особый журнал совета министров 23 Августа 1914 года. О работах, подлежащих выполнению трудом военнопленных // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 191–193 об.; Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ от 16 сентября 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 10, ч. 60. Л. 12–15; Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях // ГАРФ. Ф. 102. 1915 г. Оп. 73. Д. 10, ч. 10 (2). Л. 8; Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы: Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г. Петроград, 1916. С. 341–342; *Авербах О.И.* Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Т. I, II. Пг., 1915.

военнопленных.

3. Несомненную ценность для написания работы представляли **периодические издания**. Печать представлена как ведомственными изданиями, уделявшими внимание надзорной практике: «Вестник полиции»[18], «Вестник Красного Креста», «Известия главного комитета Всероссийского Земского Союза», так и публикациями в петроградских и московских газетах: «Новое время», «Вечернее время», «Биржевые Ведомости», «Речь», «Русские ведомости», «Русское слово».

В еженедельном издании «Вестник полиции» на протяжении всего военного времени особое внимание уделялось проблеме отношения населения к военнопленным, о чем более подробно рассказано в третьей главе диссертационного исследования.

Публикации периодических массовых изданий способствуют рассмотрению положения военнопленных в России, помогают оценить восприятие рассматриваемой проблемы современниками событий.

4. Источники личного происхождения. Бывшие военнопленные, после возвращении домой, создали большое количество наполненных эмоциями воспоминаний. Ряд мемуаров, написанных на немецком языке, легли в основу создания диссертации и монографии немецкого историка Георга Вурцера, использованной в настоящей работе. В Российском историческом архиве хранится фонд Д.Н. Вергуна, содержащий записки уполномоченного Совета попечительства о пленных славянах Ивана Федоровича Белика, а также машинописную рукопись неустановленного лица о положении военнопленных в селе Тоцком Самарской губернии[19].

Широко известным и часто цитируемым является дневник будущего немецкого писателя Э. Двингера, находившегося четыре года в сибирских лагерях и тайно записывавшего все происходившее с ним[20]. Несомненный

[18] Вестник полиции. Еженедельное издание. 1914–1917 гг.
[19] РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 425.
[20] *Двингер Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. / Перевод Е. Захарова. М., 2004.

интерес представляют и другие воспоминания[21], давшие возможность оценить особенности реализации надзорной политики в разных территориях Российской империи.

5. Несомненную важность для исследования представляют **статистические материалы**: данные о численности военнопленных, сведения о лагерях, статистика побегов[22].

Анализ источников и изучение научной литературы позволили создать комплексное исследование конкретной проблемы осуществления надзорной политики в отношении военнопленных в период Первой мировой войны, выявить ее основные особенности и последствия осуществления.

Научная новизна диссертации представляется не только в выявлении проблем, возникших в связи с появлением большого количества пленных и сложностей надзора за ними, но и в демонстрации серьезных противоречий российской государственной системы военного времени. Их причина заключалась в межведомственной разобщенности, в традиционном разрыве между центром и провинцией, при котором правительство путем издания циркуляров пыталось упростить процедуру надзора, а губернские власти, как это следует из представленных в работе документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, исходили из своих представлений о безопасности и сознательно тормозили исполнение поступавших предписаний.

В диссертационном исследовании показано, как война трансформировала не только экономику, но и социальные отношения, создавая из-за массового размещения военнопленных в регионах новые формы конфликтов. Новизна работы также состоит в открытии новых фактов, представляющих ранее активно изучаемую проблему в разноплановом измерении, при которых военнопленные выступали активными участниками набиравших силу социальных конфликтов, а

[21] *Мюнних Ф.* Бурный путь. Воспоминания. Авторизованный перевод с венгерского. М., 1968; *Элерт К.Г.* Две мировые войны в жизни нашей семьи. Пер. с нем. Т. А. Безуглой. СПб., 2015; *Дыбоский Р.* Семь лет в России и Сибири (1915–1921): Приключения и впечатления. М., 2020. Ванек К. Приключения бравого солдата Швейка в русском плену. СПб., 1993.

[22] *Аникст А.* Количество военнопленных на всей территории России // Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 31–32.

государственная система демонстрировала свои системные слабости.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Правовая база военно-полицейского надзора за военнопленными создавалась с опозданием, носила фрагментарный характер и не предусматривала механизмов координации между военным и гражданским ведомствами, что послужило основой для будущего системного кризиса.

2. Надзорная система представляла собой полицентричную модель с дуализмом Военное министерство – Министерство внутренних дел, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, отсутствием единого координатора и нараставшими межведомственными конфликтами.

3. Ключевым элементом надзора стала политика этнической и социальной категоризации, создавшая иерархию поднадзорных групп. Привилегированные категории («трудообязанные славяне») получили фактическую свободу передвижения, что привело к массовым побегам.

4. Система надзора вне лагерей была в своем большинстве неэффективной, поскольку она лишь наблюдала за размещением пленных на работах, но не могла обеспечить активный контроль из-за кадрового дефицита на огромных территориях из-за оттока представителей жандармских и полицейских структур на фронт.

5. Массовые побеги явились показателями неэффективности надзора и симптомом системного кризиса. Борьба с побегами, возложенная на полицию, не приносила результатов из-за слабого взаимодействия ведомств и большой протяженности территории.

6. К февралю 1917 г. система военно-полицейского надзора находилась в кризисном состоянии с практикуемой подменой реального контроля различными формами приспособления к сложившейся обстановке.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в изучение истории российской государственности, эволюции институтов полиции и армии, истории права, социальной истории Первой мировой войны. Полученные в работе результаты

могут быть использованы для анализа других систем контроля в экстремальных условиях.

Практическая значимость заключается в возможности применения материалов диссертации при подготовке общих и специальных курсов по истории России XX века («История Первой мировой войны», «История права и правоохранительных органов»), а также при написании учебных пособий и обобщающих трудов по истории государственных институтов.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования в виде докладов и сообщений докладывались на межвузовских научных конференциях (с международным участием): «Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов» (Брянск, 2024, 2025 гг.). Текст выступлений размещен в сборниках 2-х статей, вошедших в РИНЦ. По теме диссертации опубликовано 3 статьи в рецензируемых изданиях ВАК.

Структура работы отражает логику исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, рамки, цель и задачи исследования. Раскрыты категории, дана историография, источниковая база, методология, новизна, положения, выносимые на защиту, показана значимость работы.

В первой главе «Становление государственной системы военно-полицейского надзора за военнопленными в России в 1914 г.» установлено, что российская политика в области военного плена развивалась противоречиво. Законодательство от «Временного положения» 1877 г. к «Положению» 1914 г. совершенствовалось преемственно и формально следовало гаагским принципам, однако усиление централизации и регламентации сопровождалось отходом от международных обязательств, прежде всего в вопросе принудительного труда, а попытка использовать льготы для славянских пленных как средство давления на Австро-Венгрию не имела прочной правовой основы, породила управленческую

разрозненность и сопротивление ведомств.

В первом параграфе «Международно-правовые нормы и национальное законодательство о статусе военнопленных» отражена эволюция российского законодательства о военнопленных от «Временного положения» 1877 г. к «Положению» 1914 г. Показано, что каждый новый нормативный акт не создавался на пустом месте, а базировался на предшествующих документах, адаптируя и совершенствуя их положения применительно к новым историческим реалиям и масштабу военных конфликтов. «Положение» 1914 г., принятое в условиях масштабной войны, стало качественно новым этапом в правовом регулировании. Оно закрепило постоянный характер закона, усилило централизацию руководства через Главное управление Генерального штаба, ввело более детальную регламентацию обязанностей местных начальников, включая четкие нормы о разделении команд, размещении, усилении надзора войсками и их взаимодействия с полицией, расширило полномочия военно-окружных начальств по усилению надзора. Однако именно это «Положение» наиболее существенно отошло от международных обязательств, введя безвозмездный принудительный труд военнопленных. Тем самым российское право формально ориентировалось на международный стандарт, однако реальная практика его применения оказалась существенно иной.

Во втором параграфе «Организационная структура надзора за военнопленными и практики его реализации в начальный период войны» констатируется, что слабость военно-полицейского надзора за военнопленными в 1914 г. была прямым следствием пробелов в законодательстве, возникших в результате хронологического разрыва между началом поступления пленных (июль–август 1914 г.) и принятием «Положения о военнопленных» (7 октября 1914 г.). Распоряжение министра иностранных дел С.Д. Сазонова о применении устаревшего «Положения» 1904 г. не могло компенсировать отсутствие четких инструкций по массовому приему, размещению и охране пленных, поскольку оно было рассчитано на иной масштаб конфликта, адресовано центральным, а не местным властям. Уже в 1914 г. проявились серьезные недостатки системы: отсутствие четкого плана размещения, несовершенство учета, нехватка кадров

для надзора, слабость надзора вне лагерей. К тому же система надзора, закрепленная в «Положении» 1914 г., отличалась дуализмом управления: военное ведомство (ГУГШ, штабы военных округов, местные воинские начальники) осуществляло основное заведование и охрану военнопленных, а Министерство внутренних дел (Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов) – политический надзор, перлюстрацию и расследование побегов. На практике это приводило к перекладыванию ответственности, а военные начальники не проявляли достаточной энергии в деле установления прочного неослабного контроля, тогда как полиция вынуждена была брать на себя функции, которые должны были исполняться военными. Несмотря на эти проблемы, в условиях массового, нередко хаотичного поступления пленных, нехватки кадров, отсутствия необходимого финансирования и четких инструкций, уже на начальном этапе войны закладывались основы той административной и медицинской инфраструктуры, которая впоследствии охватила всю территорию страны. Первоначальные сборные и изоляционные пункты стали ее первым, но реальным звеном, созданным главным образом снизу, усилиями местных властей, военных и медицинского персонала.

В третьем параграфе «Национальный фактор в организации военно-полицейского надзора за военнопленными (1914–1917 гг.) речь идет об использовании национального фактора российской властью с целью политического давления на Австро-Венгрию. Предоставление славянским военнопленным особых условий и льгот не привело к ожидаемому укреплению пророссийских настроений, поскольку на практике реализация этой политики оказалась лишенной четкой законодательной основы. Разрозненные циркуляры, некомпетентность местных властей и отсутствие единого координирующего центра способствовали тому, что привилегированная категория пленных на деле нередко оказывалась в более тяжелом положении, чем представители «враждебных» национальностей. Попытка исправить положение через освобождение отдельных категорий пленных под поручительство национальных организаций, санкционированное весной 1916 г., столкнулась с сопротивлением экономических ведомств и затянулась на месяцы, вылившись в итоге в

компромиссную конструкцию «трудообязанных», сохранявшую надзор и ограничивавшую свободу.

Во второй главе «Организация военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи в годы Первой мировой войны» показано как государство пыталось одновременно решить проблему изоляции огромных масс пленных и восполнить дефицит рабочих рук, не располагая для этого необходимым количеством кадров, способных обеспечить необходимый для этого надзор за военнопленными. Отсутствовала и единая структура в системе управления, готовая принять на себя всю ответственность при решении стоявших в этой области задач. В результате предписания из центра запаздывали, ведомства соперничали, а местные власти и предприниматели действовали исходя из собственных страхов, интересов и возможностей. Надзор же оставался формальным или плохо организованным, условия содержания и труда – неравными, а сопротивление пленных, побеги и саботаж превратились в обыденную практику.

В первом параграфе «Организация охраны и внутреннего режима в условиях лагерной изоляции для военнопленных» установлено, что лагерная система в условиях Первой мировой войны что в России как пространство изоляции военнопленных оказалась неспособна обеспечить необходимый уровень контроля. Около 400 лагерей, разбросанных на огромной территории империи, испытывали проблемы из-за постоянной нехватки кадров, ограниченного финансирования и отсутствия других материальных ресурсов. Охрана лагерей осуществлялась нестроевыми частями и солдатами, не годными к строевой службе, что создавало многочисленные возможности для ослабления дисциплины.

Во втором параграфе «Надзор за военнопленными на государственных предприятиях и на казенных общественных работах в России годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)» установлено, что система использования военнопленных в российской промышленности, несмотря на все попытки центрального регулирования, оставалась глубоко противоречивой. С одной стороны, правительство осознавало острейшую необходимость в рабочих

руках и упрощало процедуры, снимая ограничения по численности и процентным квотам, изменяя порядок оплаты. С другой стороны, на местах губернаторы, опасаясь социальных взрывов, саботажа и шпионажа, вводили собственные жесткие правила, требовали усиленной охраны и даже препятствовали допуску пленных на предприятия. Промышленники, в свою очередь, стремились минимизировать расходы на охрану и максимально эксплуатировать пленных, что вело к забастовкам и побегам. Полиция и жандармерия были перегружены и не могли обеспечить надежный надзор, а наемные сторожа, не имея четкого правового статуса и достаточной подготовки, часто оказывались беспомощными перед организованным сопротивлением.

В третьем параграфе «Военно-промышленный кризис и проблемы надзора при использовании военнопленных на частных промышленных предприятиях России в 1915–1916 гг.» установлено, что, пытаясь решить проблему дефицита рабочих рук, правительство столкнулось с невозможностью адаптировать старый управленческий аппарат к возникавшим условиям. Главным препятствием оказался даже не дефицит инструкций, а острая нехватка людей, способных ответственно нести службу, полиция была перегружена различными обязанностями, военное ведомство отказывалось выделять ополченцев, мотивируя это необходимостью охраны железных дорог и гарнизонов, а предприниматели, особенно на мелких рудниках Урала, просто не имели средств содержать штаты вооруженной стражи и отдельные казармы. Экономические оковы, налагаемые правилами надзора, делали использование пленных для многих предприятий невыгодным, а система вычетов из заработка лишала военнопленных малейшей экономической заинтересованности и порождала сопротивление в виде отказов от работы и побегов.

В четвертом параграфе «Специфика надзора при использовании труда военнопленных в аграрном секторе» установлено, что в аграрном секторе сезонное использование труда военнопленных отличалось в 1915–1916 гг. и в 1916–1917 гг., пройдя путь от организационного становления к обостренному конфликту, когда столкнулись интересы промышленности и деревни, а рост платы и вычетов из заработка пленных лишь усилили напряженность. Если

первый сезон был временем поиска приемлемой системы организации труда военнопленных и преодоления возникавших на этом пути трудностей в области надзора, то во втором сезоне уже отчетливо проявился конфликт между интересами государства, промышленности, сельских хозяев и самих пленных. Основная проблема состояла не просто в привлечении их к труду в деревне, а в том, что стоимость этого труда в условиях нараставшего продовольственного кризиса становилась все более тяжелым бременем для всех сторон.

В третьей главе «Институт надзора за военнопленными в России через общественное восприятие и кризис управления (1915–1917 гг.)» показано, что к 1917 г. система военно-полицейского надзора за военнопленными в Российской империи перестала существовать как действенный механизм, а период правления Временного правительства стал временем глубоких контрастов в сфере надзора за военнопленными. С одной стороны, власть предпринимала активные попытки выстроить цивилизованную систему, основанную на международном праве, принципах взаимности и гуманизма, делегируя полномочия общественным организациям и Красному Кресту, подтверждая отмену смертной казни и гарантируя процессуальные права пленным. С другой стороны, революционный хаос, развал экономики и падение дисциплины заставлял власть использовать по-прежнему репрессивные меры в отношении военнопленных.

В первом параграфе «Влияние общественных представлений о военнопленных в России на систему надзора» проанализировано отношение населения к военнопленным на различных этапах войны. Оно отличалось неоднородностью и колебалось от любопытства и сочувствия до открытого возмущения и враждебности, а власти видели в обоих проявлениях потенциальную угрозу «разлагающего» влияния на тыл. Наиболее конфликтными оказались провинциальные города, где пленные размещались в частных домах или вместе с русскими солдатами, а также госпитали, где они занимали места, предназначавшиеся для раненых российских солдат и офицеров. Анализ материалов журнала «Вестника полиции» показывает, что система надзора в 1914–1917 гг. находилась под влиянием общественных представлений,

которые вступали в противоречие с официальными циркулярами. С одной стороны, экономическая необходимость заставляла власти идти навстречу населению и использовать труд пленных, с другой – включение военнопленных в трудовую деятельность на местах постепенно стало восприниматься журналом как угроза моральному состоянию тыла и даже как угроза национальной безопасности. Социальная паника, отражавшая реальные проблемы – нехватку продовольствия, опасения за поведение солдаток, наполненные тревогой письма с фронта, – одновременно могли служить инструментом давления губернаторов на центр в целях добиться расширения собственных полномочий, а в отдельных случаях и выделения ресурсов, что в конечном итоге также противодействовало установлению единых норм надзора.

Во втором параграфе «Система военно-полицейского надзора в условиях нарастающего кризиса (1916–1917 гг.)» определяется, что к 1917 г. побеги, достигавшие сотен человек в месяц, стали нормой, а их раскрываемость была крайне низкой. Этот крах стал одним из ярких симптомов общей несостоятельности имперской государственной машины, не выдержавшей вызовов Первой мировой войны. Российское военное ведомство активно использовало в своей практической деятельности «принцип взаимности», т.е. порядок наложения взысканий на пленных офицеров в духе постановлений, действовавших в Германии и Австрии в отношении совершивших побег военнопленных. Эта дипломатическая борьба нашла прямое продолжение в решениях Центрального комитета по делам о военнопленных, созданного Временным правительством при Главном управлении Российского общества Красного Креста. В задачи Комитета входили не только организация обмена и репатриации, но и общая координация режима содержания пленных, включая вопросы дисциплинарной практики и контроля за побегами. «Принцип взаимности» не только пережил крушение старой государственной системы надзора, но и был внедрен в новые революционные структуры, что свидетельствует об определенной преемственности практик военно-полицейского надзора даже в условиях радикальной смены политического режима.

В заключении сформулированы основные обобщающие выводы, полученные в ходе проведенного исследования и касающиеся эволюции российского законодательства о военнопленных, становления и последующего кризиса системы надзора за ними, а также места этой проблемы в общем контексте социально-политического и административного развития Российской империи в годы Первой мировой войны.

Циркуляры и инструкции, направленные на ужесточение, оказались бессильны. Кризис надзора в 1915–1916 гг. носил системный характер, обусловленный противоречием между экономической необходимостью использования труда военнопленных и неготовностью административного аппарата к их внедрению в тыловую жизнь.

Правительство создало разветвленную нормативную базу, разработав «Положение о военнопленных», правила о казенных и общественных работах, о сельскохозяйственных работах, о работе военнопленных частной промышленности. Эта система должна была обеспечить единообразие надзора, четкое разграничение ответственности между военным и гражданским ведомствами, достаточный уровень контроля над рассредоточенными по стране пленными. Однако на практике она дала сбой.

Неэффективность управленческой системы, проявлявшаяся на всех уровнях, наглядно демонстрировала, что поспешное нормативное регулирование, не подкрепленное ни кадровыми ресурсами, ни четким разграничением полномочий, неизбежно порождало хаос на местах, что в конечном счете подрывало и без того напряженный социальный климат в тылу и не могло не сказаться на общем ходе военных усилий России. Опыт России периода Первой мировой войны представляет собой наглядный пример того, как даже развитая нормативная база, не подкрепленная адекватными ресурсными механизмами, не способна обеспечить эффективное управление в условиях экстремального кризиса.

Основные положения диссертационного исследования представлены автором в 5 статьях, опубликованных в научных изданиях.

Работы, опубликованные в журналах из перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1. *Воронин Г.Г.* В поисках порядка: становление системы надзора за военнопленными в Российской империи в начальный период Первой мировой войны (1914–1915) // Вестник Брянского государственного университета. 2026. № 3 (69). С. 23–28.

2. *Воронин Г.Г.* Образы военнопленных в контексте полицейского надзора (по материалам журнала «Вестник полиции», 1915 г.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2026. Т. 16. № 6 (135). С. 1232–1240.

3. *Воронин Г.Г.* Полицейский надзор за военнопленными вне лагерей в России в годы Первой мировой войны: нормативная база и практики контроля // Вестник государственного и муниципального управления. 2026. Т. 15. № 3. С. 47–55.

Статьи в иных изданиях

1. *Воронин Г.Г.* Некоторые особенности паспортной системы в Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны // Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам научной конференции. Брянск, 2024. С. 122–131.

2. *Воронин Г.Г.* Военнопленные Центральные держав на железнодорожных работах в Первую мировую войну: специфика надзора // Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам научной конференции. Брянск, 2025. С. 94–107.